

Расходясь с похорон, говорят
О таких пустяках, что нелепым
Предстает погребальный обряд,
Разорвавший житейские скрепы.

Или прячут тоску и испуг?
За спиною кресты остаются.
А учитель, товарищ и друг
Не вернется, как все не вернется.

Приглушенно звучат голоса,
За оградой мелькают машины.
А сознание страшат небеса,
И пугают большие глубины.

Потому говорят о семье,
О делах, о грибах, о соседях.
Потому позволяют себе
Раствориться в случайной беседе.

Ибо мучает плотский итог —
Красный ящик и черная яма.
И ложится осенний листок
На ступеньку высокого храма.

Обсерватория

Ночь — обсерватория для многих
Нежных и мечтательных двуногих.

Тема ночи радостна поэтам,
Чье бессонье вспыхнет новым светом

Строчек, совершенных и певучих.
(Ибо ночь — хранилище созвучий.)

Ковш легко качается над бездной —
Бесконечной, черной и помпезной.

Фонари тихонько отвечают
Ангелу, который ковш качает.

Самолет летит, простор меняя,
Огоньками пестрыми мигая.

Хвост павлиний — цветовой орнамент.
Запредельность ночи сердце манит.

(Библию сравнил с хвостом павлиньим
некогда Эриугена мудрый.)

Небеса отсвечивают синим,
рядом видишь отблеск изумрудный.

Ночь! Ее круги и полукруги,
Легкие, пронзительные дуги!

Скрипки и прозрачные овалы!
И опалы звезд, созвездий скалы.

Сложные мистические знаки
Точно начертали Зодиаки.

Стекловидна звездная водица —
Кто такой сумеет насладиться?

Ну а что небесный знак питает,
Тот, что в наши души прорастает?

Вечер сыпал горсти звездной пыли.
Рыбками огни проспектов плыли.

Месяц золотит сейчас пространство,
Щедро раздает садам богатство.

По церквям старинным свет струится.
Улицы листает, как страницы.

Свет медовый нежно тронет скверы,
И кварталов небольшие шхеры.

Вон пруды — одной цепочки звенья.
Музыки — всем парком исполненье.

Серебром сквозит оркестрик струнный.
Вот блеснул пассаж особо трудный.

Как обсерватория богата!
Не спеша картины постигай ты,

Чтоб душа очистилась и пела,
Чтобы счастьем бытия взрослела.

Кое-что о конце света

Лето было или все же нет?
Образы порой диктует бред.

Лезет на кафедру лобастый
Пустозвон и педант —
На кафедру докторскую променявший талант,
Лезет с мерзкой гримасой.
И кричит: — Я рассчитал все!
В садах расчетов произрастает истина!
Я утверждаю — скоро свет затмится траурной полосой!
И лоснится лысина.

Другие — доктора и профессора —
Зашумели: — Как? Не верим! Быть этакого не может!
А оратор с кафедры возопил: — Ура!
Светопреставление чувствую кожей.

СМИ, до сенсаций жадные,
Завыли, запричитали. И настали денечки жаркие.

А поэт лежал на диване под бетоном депрессии
Дома.
Четко знал — не нуждается мир окрестный в поэзии,
Вспоминал, что не набрать стихов для следующего тома.

По улицам тем временем шагали рядами стройными
Попы в облачениях, миллионеры с корзинами денег,
Интеллигенты — их участь всегда и всем быть недовольными,
Домохозяйки — эти от нечего делать.
Инженеры, давно забывшие, что такое зарплата,
Партийные лидеры — горлопанистые ребята,
Редакторы, оперные певицы, шоумены,
На машинах ехали бизнесмены,
Собиравшиеся скупить сокровища Ойкумены.

Все протестовали против открытия
Лобастого мудреца.
Не хотели, чтоб свет исчезал, кричали.
Звучали разные голоса.

Композиторы музыку сочиняли,
Бравурность которой опровергала возможность траурной полосы.
На башнях, на кирхах, на многих запястьях сверкали
Как-то по-новому, весьма зловеще часы.
Но по утрам на сосудах травы выступали
Капельки зрелой росы.

А днем транспаранты люди несли, плакаты и флаги.
Не работали церкви, рестораны, магазины, конторы, банки.
Торговля по боку, не купишь элементарного:

мыла, чернил, бумаги.

Ни помолиться, ни поменять валюту,

ни кушать супа из жирной наваги.

Площади и проспекты патрулировали важные танки.

А поэт все лежал на диване,

Видел строчки — они мерцали в тумане

Метафизическом,

Пока город заходил в экстазе мистическом,

До какого не было дела поэту,

Убежденному, что никогда не исчезнет солнечный свет,

И не желающему мириться с тем, что лета более нет.

Лунный пряник

Сад яблочный. Зима. ВДНХ.

Мичурин черный смотрит на дороги,
их параллели утомляют ноги.

В мозгу ветвится дерево стиха.

Часовню возле сада вижу — вот
мистически-церковное мерцанье.

А дальше павильоны — эти зданья
массивны, и любое отдает

помпезным Вавилоном... Повернешь —
деревьев будет черно-белый остров,
вороний грай сечет могучий остов
реальности, куда воздух пьешь.

Зима, считаешь, связана с луной.

Ночной порой медовый лунный пряник
воздействует, мне кажется, на маятник,
что замирает, пестуя покой.

Февраль в конце. И по ВДНХ

привычно ты гуляешь по субботам.

И веришь над тобой текущим сводам
небесным, то возникли без греха.

А сумеречный час едва ли ждешь.
Ночной? Конечно! ибо пряник лунный —
чуть золотист, мучнист — пожалуй, лучший
из всех гостинцев. Ты его жуешь.

Жуешь своей фантазией опять,
ему совсем не нанося ущерба.
Действительность, дарованную щедро,
пристрастно продолжаешь изучать.

Продавец воздушных шаров

Шары из радуги над лысой
Башкой напрасно рвутся в даль.
Ему расстаться с долей львиной
Шаров роскошных просто жаль.
Он маг в душе и обыватель,
Когда по внешнему судить.
Смешной... довольно бедный, кстати,
Не знающий, как надо жить.

Шары из радуги — цветные
Легко качаются над ним.
Кругом палатки расписные,
И шум, и сигаретный дым.
Идут родители и дети,
И покупают те шары —
Их теребит тихонько ветер
В пределе ласковой игры.

Вот синих больше не осталось,
И скоро белые — тю-тю.
В душе уже остатком — жалость.
— Мам, сарик зёлтый я хотю!
И покупают, покупают.
И к сумеркам подходит день.
А люди счастливы бывают
Лишь в отдалении от дел.

И он глядит на тех и этих,
Теряя больше, чем хотел,
И сам как будто не заметил,
Насколько за день постарел.

Безвестность и бесславье — между ними
Чернеет пропасть — в славу ли провал?
Бывало — стали волосы седыми,
А... с первой книгой некто выступал.

Кому известны лютики иль кашка,
Цветущие для всех и... для небес?
А есть неутоляющая чаша
Алчбы — я не могу вне славы, без...

Безвестность — это тихое стремленье
Приблизиться к познанию небес,
Такое написать стихотворенье,
Какое оценил бы синий лес.

Деревья черные и белый —
Такой по-детски белый снег.
Глядит на снежность очумелый
От силы счастья человек.

Глядит, забывши на мгновенье
Про сорок лет, про жизнь-печаль.
И новое стихотворенье
Отдать молчанию не жаль.

Ветер века

Клочки газет взметнет холодный ветер,
в них закорючки букв — событий нет,
верней — их незначительность на свете
способна заглушить высокий свет.

Так ветер века объясняет малым
уход их от дороги стержневой.
Коль не услышим — ветер станет шквалом,
всё разметает — мощный, шаровой.

Кто чем в действительности дышит:
у каждого свой личный сад —
поэты истинные пишут,
а бездари руководят.

